

ПРОИСКИ ВАТИКАНА В РОССИИ И ЮРИЙ КРИЖАНИЧ

П. П. Епифанов

В нашей литературе за последние годы приобрёл незаслуженную популярность проникший в Россию в XVII в. тайный миссионер папской конгрегации пропаганды веры Юрий Крижанич. Некоторые историки, экономисты, философы характеризуют Крижанича как прогрессивного деятеля, славянского патриота и предтечу реформ Петра Великого.

Так, проф. С. В. Бахрушин, односторонне оценивая литературное наследие Крижанича, изобразил его «горячим славянским патриотом», широкая экономическая программа которого «предвосхитила во многом петровские мероприятия». С подобной же апологетической оценкой Ю. Крижанича выступили Л. Мордухович, В. Н. Дурденевский, проф. О. В. Трахтенберг, В. С. Покровский¹.

Наиболее последовательно выразил эту неверную точку зрения Б. Д. Дацюк в своей книге «Юрий Крижанич. Очерк политических и исторических взглядов». По словам Б. Д. Дацюка, Крижанич являлся «великим гуманистом» и «выразителем народных чаяний», «крупнейшим идеологом славянской солидарности», выдающимся историком, желавшим быть объективным и обнаружившим «исключительно глубокое понимание «процесса исторического развития народов», а также «глубокое и самостоятельное понимание событий русской истории». Б. Д. Дацюк говорит о «необычайной проницательности» Крижанича, сумевшего якобы «уже в XVII веке обнаружить и своеобразно, подчас в форме догадок, разрешить многие узловые вопросы нашей истории».

В изображении автора Крижанич выступает как выдающийся социолог и философ. Он будто бы близко подошёл к «правильному пониманию сложнейшего философского вопроса о роли выдающихся личностей в истории», сделал оригинальную попытку «определить характер войн вообще, теоретически обосновать справедливость всякой освободительной войны»; его мировоззрению были свойственны даже... «элементы диалектического мышления!». Крижанич, далее, будто бы критиковал самые основы феодального строя, выступая «критиком феодальной морали», «резко отрицательно относясь к феодальной знати» и вообще развивая «критику феодального режима». В соответствии с этим Крижанич якобы высказывал взгляды, заимствованные им «из теоретического арсенала ранних буржуазно-экономических учений» и характерные «для позднейшего буржуазного требования равенства всех людей перед законом».

Крижанич рисуется в книжке Б. Д. Дацюка как «защитник народа», следовавший «принципу социальной справедливости», сторонник смягчения феодальной эксплуатации и улучшения правового положения крепостных крестьян. Автор умалчивает о «тёмных пятнах» в биографии Крижа-

¹ См. С. В. Бахрушин. Юрий Крижанич. «Исторический журнал». 1942. №№ 1—2; Л. Мордухович. Юрий Крижанич о деньгах, кредите и финансах. «Советские финансы». 1945, № 11, стр. 28—29; В. Н. Дурденевский. Вклад русской науки в международное право. «Вестник Московского университета». 1949, № 4, стр. 73—74; О. В. Трахтенберг. Общественно-политическая мысль в России в XV—XVIII вв. Сборник «Из истории русской философии». М. 1951; В. С. Покровский. История русской политической мысли. М. 1951.

нича и утверждает в полном противоречии с фактами, что перед второй поездкой в Москву, в 1659 г., Крижанич якобы «разорвал с Римом» и превратился в антикатолика, нападавшего «на самого папу». Об аресте и высылке в Сибирь этого «антикатолика» русским правительством в 1661 г. Б. Д. Дацюк пишет как о... «неудаче, постигшей Крижанича в Москве»².

Некоторые апологеты Крижанича не останавливаются и перед прямым извращением исторических фактов. В этом отношении характерна кандидатская диссертация А. Л. Гольдберга, защищённая в 1951 г. в Ленинградском Государственном университете имени А. А. Жданова³. Опуская целые страницы из биографии Крижанича, автор диссертации превращает Крижанича в «одного из наиболее выдающихся деятелей славяно-русской общественной мысли XVII века», разработавшего прогрессивную программу «преобразования русской жизни», сторонника «принципа равных прав всех людей» и т. д. Соглашаясь по многим важным пунктам в оценке Крижанича с Б. Д. Дацюком (а часто и повторяя его), А. Л. Гольдберг одновременно упрекает Дацюка за то, что тот не показывает, «каким образом в личности Крижанича могла органически сочетаться страстная проповедь славянского единства и глубокая католическая религиозность». Но показать это, естественно, А. Л. Гольдбергу не удаётся. Больше того: А. Л. Гольдберг вынужден признать, что «нет ни одной точки соприкосновения» между взглядами Крижанича и «историко-политическими теориями русских книжников XV—XVII вв.»⁴.

В оценке личности и деяний Крижанича мы встречаемся с явным проявлением космополитизма и буржуазного объективизма в исторической науке. Крижанича «открыли» и подняли на щит как «панслависта» писатели из славянофильского, реакционного лагеря 60-х годов прошлого столетия (П. Безсонов и др.). Реакционно-феодалная «утопия» Крижанича импонировала славянофилам (собиравшимся даже водрузить Крижаничу памятник в Тобольске) и вполне отвечала их собственной ретроградной программе. Позднее горячими поклонниками Крижанича выступили буржуазно-кадетские историки (Ключевский, Милоков). Они связывали деятельность Крижанича с «началом западного влияния» в России, видели в нём одного из «западных учителей» русского народа. Крижанич оказался находкой для реакционных буржуазных историков, пытавшихся доказать импортное происхождение русской культуры и петровских преобразований начала XVIII века⁵.

Но в дореволюционной литературе можно найти и прямо противоположную оценку Крижанича. Ещё в 1860 году с резкой критикой только что появившихся тогда в печати сочинений Крижанича «О Промысле божьем» и «Думы политичны» («Политика») выступил орган русских революционеров-демократов «Современник»⁶. Ещё не зная всей подноготной о деятельности Крижанича в России (документы, разоблачающие его как агента «конгрегации пропаганды веры», получили огласку позднее), «Современник» решительно противопоставил взглядам славянофилов свою точку зрения и близко подошёл к правильной оценке сочинений Крижанича.

² Б. Д. Дацюк. Юрий Крижанич. Очерк политических и исторических взглядов. М. 1946, стр. 3, 15, 36, 44, 59, 69, 70—71, 82, 88, 94, 105 и др.

³ А. Л. Гольдберг. Сочинения Ю. Крижанича и русская действительность 17 века. Тт. 1—2 (рукопись). Государственная библиотека имени В. И. Ленина.

⁴ Там же. Т. 1, стр. 47, 209, 237; т. 2, стр. 245, 248, 265, 291, 299, 394, 481, 486, 488, 490—496.

⁵ П. Безсонов. Русское государство в половине XVII века. Рукопись времён царя Алексея Михайловича. М. 1859; его же. Ю. Крижанич — ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII в. «Православное обозрение». 1870, №№ 1—2, 4—5, 11, 12; В. О. Ключевский. Курс русской истории. Ч. III. М. 1937, стр. 262—273. П. Н. Милоков. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3, вып. I. СПб. 1908, стр. 97—135.

⁶ «Современник». 1860, № 8, стр. 223—264.

«Современник» справедливо считал Крижанича человеком, чуждым русскому народу, писателем, который «вполовину только... может быть причислен к русской литературе». Вопреки мнениям некоторых авторов той поры, «Современник» прямо указывал, что Крижанич «не был воспитан русской жизнью и не вышел из среды нашего народа, как и самые его идеи», что он «явился в Россию уже человеком совершенно созревшим», «католическим священником». По поводу языка и стиля сочинений Крижанича «Современник» писал, что они написаны «каким-то странным макароническим (разрядка моя.— П. Е.) языком, в котором русское мешалось с иностранным и инославянским». «Современник» убедительно опроверг славянофильскую версию о руссофильстве и славянолюбии Крижанича. Приведя клеветнические отзывы Крижанича о славянах и русских, «Современник» писал: «Из этих слов достаточно видно, как мало ценил Крижанич достоинства своей национальности: отзыв его касается целого славянского племени, следовательно и русского народа; отзыв этот не много разнится от суждений иностранцев того времени...» Крижанич «считает русских народом грубым, диким и неразвитым, как считали и не любимые им немцы, он даже слишком часто настаивает на том, что наши разумы тупы и ленивы...» К тому же Крижанич «составил себе самое плохое понятие об их (русских.— П. Е.) умении жить и об их общественных интересах и не рассчитывал, чтобы они сами могли что-нибудь для себя сделать».

«Современник» правильно подчеркнул тенденциозность того «немцедаства» Крижанича, которое ставилось ему в особую заслугу славянофилами. Действительно, по мнению Крижанича, только немцы-протестанты являлись клеветниками и врагами России, а немцев-католиков он изображал как друзей и почитателей русского народа. Если верить лжецу Крижаничу, то его учитель и наставник, злобный враг Руси и славян, вдохновитель насильственной Брестской церковной унии 1594 г. и один из главных организаторов польско-литовской интервенции против Русского государства в начале XVII в., «папин посол» к Ивану IV Грозному — Антоний Поссевин был одним из таких «друзей» Руси, сочинения которого не содержат против неё «никакова лаiania нить оговора»⁷. «Современник» дал глубокий анализ мировоззрения Крижанича, разоблачил политическую направленность его сочинений, проповедующих идею верховенства папы римского и необходимости подчинения Русского государства папству. Комментируя сочинение Крижанича «О Промысле», журнал писал: «Политика здесь объясняется богословием. Истинная причина счастья и несчастья народов заключается в божественном Провидении, которое каждому царству дает ангела-хранителя».

Мы привели лишь некоторые выдержки из большой и содержательной статьи «Современника» о Крижаниче, которая должна была бы многому научить авторов, ставших в наше время на путь восхваления и возвеличения Крижанича.

Трезвый голос «Современника» не остался одиноким в дореволюционной литературе. О «католической ревности» Крижанича и оживлении деятельности иезуитов в России во второй половине XVII в. в связи с церковным расколом и интригами «покровителя иезуитов» боярина В. В. Голицына писал С. М. Соловьёв⁸. Изданные С. А. Белокуровым и Е. Шмурло документы о Крижаниче из русских и заграничных архивов окончательно разоблачили лицо Крижанича как тайного миссионера Ватикана в России. В своей подробно документированной монографии

⁷ П. Безсонов. Указ. соч., стр. 26 (далее по этому изданию цитирую «Политика»).

⁸ С. М. Соловьёв. История России с древнейших времён. Кн. 3. Изд. «Общественная польза», стр. 778—786.

С. А. Белокуров пришёл к выводу, что Крижанич до конца жизни оставался убеждённым деятелем в пользу католической церкви⁹.

Однако эта характеристика недостаточна. С. А. Белокуров, как и другие историки, изучал Крижанича в отрыве от исторической обстановки того времени и вне связи с вековой агрессией Ватикана против славян и русского народа. Поэтому тайная миссия Крижанича в Москву выглядит у С. А. Белокурова изолированным событием. Изучая биографию Крижанича, С. А. Белокуров не рассмотрел под этим углом зрения его рукописное наследство. Между тем появление Крижанича (и ему подобных агентов папского престола) в России было лишь одним из эпизодов агрессивной политики папской курии в отношении Русского государства.

История Ватикана — центра римско-католической церкви и очага международной реакции — представляет собой цепь кровавых преступлений против свободолюбивых народов. Реакционная и антинародная политика современного Ватикана, перешедшего после второй мировой войны на службу к англо-американскому империализму и ведущего неистовую борьбу против мира, против Советского Союза и стран народной демократии, имеет глубокие исторические корни. Она всегда и всюду отличалась исключительной жестокостью и изуверством, бесстыдством и лицемерием.

Католическая церковь, представители которой являлись крупнейшими феодальными владетелями средневековой Европы, была особенно беспощадной ко всем, поднимавшим голос протеста против феодального гнёта, суеверия и невежества. На кровавом счету агрессивного католицизма жестокое подавление средневековых «ересей», беспощадная расправа с народными антифеодальными и национально-освободительными движениями, преступные крестовые походы против «неверных», «еретиков и схизматиков». Ян Гус и Томас Мюнцер, Джордано Бруно и Галилео Галилей, Томас Кампанелла и Николай Коперник — на всех этих передовых деятелей науки и прогресса обрушивалась ненависть мракобесов, «первосвященников римских». Защищая интересы господствующего класса феодалов, «святая инквизиция» сожгла на кострах тысячи и тысячи «ведьм» и «еретиков», опустошая, подобно чуме, целые области и беспощадно расправляясь с внакомыслящими.

Папская курия является врагом национальной независимости и суверенитета народов и государств. Ещё в средние века «святые отцы» римско-католической церкви создали учение, согласно которому папа римский как «наместник святого Петра» на земле является единственным главой всемирной христианской церкви, а в качестве наследника римских императоров стоит выше всех светских государей. Для доказательства «святые отцы» тогда же пустили в ход две фальшивки — «Дар Константина» и так называемые «Исидоровы грамоты». Эта космополитическая теория была широко использована папством в борьбе за гегемонию католицизма в странах Западной Европы.

Пропаганда католического космополитизма использовалась папством для того, чтобы оправдать закабаление славянских народов феодалами католических стран и насильственно распространить католицизм в странах Восточной Европы. Можно без преувеличения сказать, что агрессия Ватикана против славянства и русского народа имеет вековую историю. Формы и методы наступления воинствующего католицизма менялись, но существо политики папского престола оставалось прежним. Стремясь

⁹ С. А. Белокуров. Юрий Крижанич в России (по новым документам). «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (ЧОИДР). 1903, кн. 2 (монография), 1903, кн. 3; 1907, кн. 3; 1909, кн. 2 (документы); Е. Шмурло. Юрий Крижанич. Сборник «Россия и Италия». Т. 3, вып. 1. СПб. 1911.

к безраздельному господству в славянских странах, Ватикан не гнушался ничем: тайная дипломатия, обман и подкуп, шпионаж и убийства, насилие над религиозными чувствами народных масс и вооружённая интервенция — всё пускалось в ход. Папы и кардиналы третировали славян и русских как «дикарей» и «варваров», вставших в «схизму» и ожидающих «спасения» из рук «наместника святого Петра на земле».

В XI—XIII вв. папство выступило организатором крестовых походов под лозунгом «освобождения гроба Господня» в Иерусалиме от «неверных». В действительности эти походы были направлены не только против «неверных» — мусульман, — но и против славян-«схизматиков».

Ослабление Руси вследствие феодальных усобиц и нашествия татаро-монголов было использовано папством для широкого дипломатического и военного наступления на славян и русский народ. В то время как русский народ истекал кровью в неравной борьбе с полчищами Батыея, папа Иннокентий IV пытался дипломатическими переговорами принудить русских князей Даниила Галицкого, Юрия Всеволодовича Суздальского, Александра Невского принять латинство и признать власть папы. В ставке золотоордынских ханов папские послы пытались добиться признания папы римского главою русской церкви¹⁰. А за спиной дипломатов уже вырастали тени закованных в броню «божьих рыцарей» — крестоносцев. Не случайно завоевание крестоносцами в 1204 г. Константинополя совпало с организацией агрессивного Ливонского ордена в Прибалтике. Первый натиск на Русь был отбит в результате исторических побед Александра Невского на Неве и на льду Чудского озера.

Натиск турок-османов (XIV—XV вв.) вновь создал обстановку, благоприятную для папства, и Рим предпринял новое наступление против национальной независимости славянских народов. Славяне с оружием в руках защищали свою свободу от нашествия турок, а папы римские, лицемерно призывая к борьбе с «неверными» и изображая себя «защитниками христиан», вели в это время тайные переговоры с турецкими султанами, чтобы распространить своё владычество на земли славян.

В XV—XVI вв. папы настойчиво навязывали Руси Флорентийскую унию 1439 г. и одновременно руками ливонских рыцарей, польско-литовских феодалов и татарских ханов пытались задуть возрождавшееся в борьбе с ними единое Русское государство со столицей в Москве. Захватническая политика Ватикана на Востоке особенно усилилась после падения Византии и в связи с могучим движением реформации и подъёмом революционных и национально-освободительных движений в ряде стран Западной Европы. Ставший оплотом феодальной реакции в Европе, папский престол стремился возместить свои потери в протестантских странах насильственным распространением католицизма в славянских странах. В 1596 г. при помощи воспитанного иезуита «католичейшего» польского короля Стефана Батория папы насильственно навязали украинскому и белорусскому населению Речи Посполитой Брестскую церковную унию, осуществление которой сопровождалось настоящим погромом национальной культуры этих народов.

Жадные взоры иезуитов и папы всё чаще обращались к Москве. «Обращение к истинной вере великого русского государства, пространства которого почти беспредельны, явится великим завоеванием католической церкви», — с воодушевлением писал А. Поссевину один из его сотрудников по «Обществу Иисуса». «Если бы русские... теперь присоединены были к римской церкви, то составили бы для нас величайшее приобретение», — вторил ему А. Поссевин, занимавший пост секретаря ордена иезуитов¹¹. Этот предшественник и наставник Крижанича по прямому

¹⁰ См. В. Пашуто. О политике папской курии на Руси (XIII век). «Вопросы истории». 1949, № 5.

¹¹ Д. м. Цветаев. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М. 1890, стр. 3, 235; Н. Попов. Судьба унии в русской Холмской епархии. М. 1874, стр. 13.

указанию Рима натравливал Батория на Русское государство. Используя трудное внутреннее и внешнеполитическое положение России в конце Ливонской войны, А. Посевин пытался навязать ей унию, но был высмеян Иваном IV Грозным, назвавшим папу «волком, а не пастырем»¹². Провалились посольства папы и к Борису Годунову.

Происки Ватикана и его агентов в Польше сыграли свою роль в подготовке и развязывании польско-литовской интервенции против Русского государства в начале XVII века. Это был второй крестовый поход против Руси, организованный папами. Главными вдохновителями Лжедмитрия (обязавшегося перед началом похода собственноручным письмом папе установить «истинную религию» в России) были папский нунций в Польше К. Рангони, начальник польского отделения ордена иезуитов Деций Стривери; за их спиной стояли генерал ордена в Риме К. Аквавива и папы Климент VIII и Павел V, которые субсидировали отряды авантюристов Лжедмитрия и обещали ввести его «папской милостью... в семью европейских венценосцев»¹³.

История интервенции начала XVII в. наглядно показывает, с какой свирепой ожесточённостью рвалась в Москву банда самых жестоких и бесстыдных завоевателей в рясе, окружавших себя ореолом святости. Но завоеватели недооценили силу патриотизма и растущего национального самосознания великого русского народа. Интервенция провалилась, а её организаторам пришлось искать новые методы насаждения католицизма на Руси. В середине и во второй половине XVII в. папский престол планомерно и настойчиво готовил новый, третий по счёту, крестовый поход против «схизматиков-русских» с целью распространения своего владычества в России и дальше на Восток.

Для подготовки интервенции папы использовали, в частности, такое средство, как засылка в Россию под разными личинами своих тайных агентов. Католическая пропаганда, собирание шпионских сведений, вербовка агентуры из продажных элементов, расширение связей с влиятельными кругами, использование в интересах папства раздоров в правящих кругах и сословиях Русского государства — таковы обычные приёмы этих тайных агентов. Разработанный А. Посевином и одобренный папами план предусматривал засылку в Россию тайных миссионеров с купцами и послами иноземных государств, распространение среди русского народа католических книг при помощи знатных и влиятельных лиц, издание русских богослужебных книг и летописей в исправленном виде, согласно политическим целям папского престола¹⁴. Специально для подготовки агентуры в славянских странах в Риме была создана «коллегия св. Афанасия», перешедшая в начале XVII в. в ведение конгрегации пропаганды веры. «Коллегия св. Афанасия» подготовила много фанатичных агентов конгрегации в славянских странах.

Выучеником этой школы был и Юрий Крижанич. Сын хорватского дворянина-католика, воспитанник иезуитских училищ, Юрий Крижанич окончил коллегию в 1641 г. и вскоре по личной просьбе удостоился звания «миссионера» и степени «доктора богословия». Коллегия готовила Крижанича специально для того, чтобы «итти в среду схизматиков, ко двору князя Московии, где он мог бы служить святейшему отцу... в качестве переводчика или в другой какой-либо должности для

¹² С. М. Соловьёв. История России, кн. 2, стр. 291.

¹³ С. Л. Пташницкий. Письмо первого самозванца к папе Клименту VIII. СПб. 1899. Некоторые данные о роли папства и Ордена иезуитов как организаторов интервенции приведены в тенденциозных трудах известного иезуита П. Пирлинга. См. П. Пирлинг. Из Смутного времени. СПб. 1902; его же. Димитрий Самозванец. М. 1912.

¹⁴ Н. Попов. Указ. соч., стр. 13—14.

распоряжений апостольского престола». Крижанич принёс конгрегации клятву «посвятить себя миссии к великому князю Московскому». Своим поведением Крижанич заслужил полное доверие иезуитов, возглавлявших коллегию св. Афанасия. «Отцы-иезуиты вышеназванной коллегии, — писал секретарь конгрегации пропаганды веры Инголи, — весьма хвалят этого человека и надеются на хороший успех... Он питомец, предназначенный в Московию...»¹⁵.

Крижанич не сразу был послан в Россию. В 1641 г. конгрегация назначила ему предварительную «миссию к валахам», в Загребскую епархию, чтобы «он... приобрел некоторую сноровку вести дело с ними (то есть «схизматиками» — православными. — П. Е.) и собрал кое-какие необходимые книги; и чтобы можно было о нем иметь тут более верное известие, прежде чем он примет на себя главную свою миссию, т. е. в Московию...». С «наилучшими отзывами» «отцов-иезуитов» Крижанич выехал на родину, чтобы «итти в Московию миссионером после того, как станет более зрелым и опытным во время миссии к валахам»¹⁶.

До 1646 г. Крижанич как верный слуга конгрегации насаждал католицизм среди своих земляков в Загребской епархии, однако, по собственному признанию, «не достиг никакого успеха». Оценив рвение молодого миссионера, католические власти в Загребе выдвинули его на пост епископа валашского, но это назначение не состоялось из опасения вызвать «народное волнение» среди православного населения епархии, ненавидевшего католических попов и монахов и упорно державшегося «своей старины»¹⁷.

В 1646 г. конгрегация пропаганды веры поручила Крижаничу и о. Льву Флегену первую тайную «миссию в Московию»¹⁸. Официально оба они были включены в свиту католического епископа Смоленска. Но спутник Крижанича Флеген выболтал подлинные цели их поездки. Весьма любопытны донесения Крижанича конгрегации с жалобами на неосторожного «сподвижника». «Я прикинулся удивленным» и «пытался склонить его (Флегена. — П. Е.) к молчанию», — доносил Крижанич начальству. Но увещевания не помогли — «я мыл эфиопа», — а так как в Смоленске «повсюду с католиками перемешаны схизматики, которые пишут москвитянам обо всем, что здесь делается» и «таких предателей я всегда боюсь, чтоб они, узнав мое намерение, не описали мою личность», — то Крижанич молил впредь сохранять «как можно более тайными» его намерения, «чтобы и перед католиками я мог утверждать, что я в этих краях не миссионер»¹⁹. Таков откровенный язык Крижанича в секретной переписке с католическим начальством!..

В 1647 г. Крижаничу удалось тайно посетить Москву, присоединившись с помощью католических властей в Польше к посольству Паца и Техановича в Россию²⁰. Возвратившись из России, Крижанич представил конгрегации официальный отчет — «Повествование о нынешнем положении схизмы в России», — в котором предлагал не упускать удобного момента «для привлечение этого (русского. — П. Е.) народа в католическую веру»²¹.

Следующее десятилетие Крижанич посвятил тщательной и всесторонней подготовке к новой «миссии в Московию». С одобрения конгре-

¹⁵ ЧОИДР, 1903, кн. 3 (206). Приложения, VIII, №№ 1—3; 1909, кн. 2 (229), 11, №№ 1—8.

¹⁶ ЧОИДР, 1909, кн. 2 (229), 11, № 7.

¹⁷ ЧОИДР, 1903, кн. 3 (206). Приложения, VIII, № 16, стр. 220—233.

¹⁸ Там же, № 12.

¹⁹ Там же, № 14, стр. 199.

²⁰ Это был, заметим кстати, обычный способ проникновения в страну тайных агентов: подобным же образом в составе иностранных посольств бывал в Москве шпион французского короля Де-ля-Невиль. См. Де-ля-Невиль. Записки о Московии. «Русская старина». 1891, сентябрь — октябрь.

²¹ ЧОИДР, 1903, кн. 3 (206). Приложения, VIII, №№ 16, 20.

гации пропаганды и самого папы он посещает «для осуществления своей миссии» Константинополь, пишет полемические сочинения против догматов греко-православной церкви, изучает русский язык и обряды русской церкви, готовится к роли «учителя философской школы» в Москве и наставника русского царя. План Крижанича, одобренный конгрегацией, заключался в том, чтобы под маской единоверца-славянина проникнуть в Москву, постепенно завоевать доверие царя и царского окружения и убедить русское правительство в необходимости принять церковную унию с Римом.

Пока Крижанич готовился к этой миссии, не было никаких признаков мнимого «расхождения» его с папой. Духовная карьера Крижанича в Риме развивалась успешно. В течение четырнадцати лет он состоял членом Иллирской конгрегации св. Иеронима (ведавшей делами католической пропаганды в славянских странах), а одно время исполнял должность капеллана при гвардии швейцарцев — личной охраны папы римского²². В октябре 1657 г. декретом конгрегации пропаганды веры было постановлено отправить Крижанича «в Московию для миссии». Ввиду особо секретного характера миссии запись о ней сделана в книге регистрации подобных миссий лишь в октябре 1659 г., когда Крижанич благополучно достиг Москвы. Эта запись полностью опровергает версию Б. Д. Дацюка о якобы «самовольном» выезде Крижанича из Рима в Москву. Крижанич был записан в книге регистрации миссий как «миссионер в Московию», «посвященный навечно» делу католицизма в России²³.

Крижанич явился в Москву не как патриот-славянин, порвавший, по представлению Б. Д. Дацюка, с Римом, а как тайный агент папского престола. Можно назвать десятки и даже сотни имён иноземцев разных национальностей, вероисповеданий и профессий, которые приезжали в XVII в. в Москву и честно исполняли свои обязанности, во многих случаях обретая в России свою вторую родину. Крижанич, явившись, по обычаю, в Посольский приказ как «нововысезжий иноземец», назвал себя «сербенином» «города Бихча», сыном «купетцкого человека», прибывшим «из сербские земли»²⁴. Это показание было лживым от начала до конца. Упомянув о том, что он «после (смерти.— П. Е.) отца своего был в разных землях для учения школьного», Крижанич скрыл от русского правительства, что он выученик иезуитской коллегии св. Афанасия, католический священник и миссионер конгрегации пропаганды веры.

«По государеву указу» Крижаничу велено было «делать грамматику да лексикон по словенски»²⁵. Но это скромное положение его не устраивало. Стремясь втереться в доверие правительства, Крижанич вскоре подал в Посольский приказ «Беседу ко черкасам» и «Путное описание» — небольшие сочинения, где выказал себя горячим сторонником присоединения Украины к России и расточал неумеренные похвалы царю Алексею Михайловичу, уподобляя его Александру Македонскому, Юлию Цезарю и Карлу Великому²⁶. Завязав связи с влиятельными лицами из царского окружения — боярами А. С. Матвеевым, Б. И. Морозовым и Ф. М. Ртищевым, Крижанич в соответствии с разработанным им планом «проник-

²² Там же. Приложения, VII. Записка Крижанича 1641 г., № 26, стр. 279; «Россия и Италия». Т. 3, вып. 1. СПб. 1911, стр. 66—68.

²³ «Россия и Италия». Т. 4. Л. 1927, стр. 280.

²⁴ ЧОИДР, 1903, кн. 3 (206). Приложения, IX, №№ 1, 2.

²⁵ Там же, стр. 289—290.

²⁶ Там же. Приложения, III, IV. В написанной позднее «Политике» Крижанич клеветнически утверждал, что украинцы якобы «раскаялись» в соединении с русским народом «и спясть ся кляхом повратища» и «ни век ся вяше не предадут на сию страну» «для ради кругости здешнего владения». А в «Толковании исторических пророчеств» он грозил украинскому народу божьими карами за «грубое нечестие и сквернительство литовских церквей» (то есть католических и униатских костёлов.— П. Е.) во время национально-освободительной войны под руководством Богдана Хмельницкого (см. «Политика», ч. 2, стр. 37, 48; Ю. Крижанич. Соч., вып. 2. М. 1892, стр. 49—59, 77).

новения ко двору» заявил о своём желании стать царским библиотекарём и историографом²⁷.

Однако Крижанич был разоблачён, в январе 1661 г. арестован «по государеву указу» и сослан в Сибирь, в Тобольск, где пробыл 15 лет. Написанные Крижаничем в Сибири сочинения и всё его поведение после ссылки свидетельствуют о том, что он до конца остался фанатичным папистом.

В 1676 г., после смерти царя Алексея Михайловича, в порядке общей амнистии Крижанич получил разрешение вернуться в Москву. Но, хотя он сам не раз слёзно умолял вернуть его в столицу для «службы» государю, немедленно по прибытии в Москву Крижанич подал челобитную об отпуске за границу «на волю совершенно». Правительство, однако, предназначило Крижанича «на покой» в Соловки (что означало новую ссылку). Трижды Крижанич просил отпустить его за границу и каждый раз скрывал в челобитных свою принадлежность к католическому духовенству. Лишь после отклонения челобитных он пошёл на полупривание. Явившись в Посольский приказ, Крижанич заявил, что он «римского костела каноник (поп постриженной) и нынче де держит тое римское веру и свой чин и впредь в ней быть хочет»²⁸. О том, что он миссионер конгрегации пропаганды веры, Крижанич умолчал и на сей раз.

Не получив и после этого отпуска за границу, Крижанич со всем своим скарбом скрылся на дворе находившегося в Москве датского посланника фон Габеля. При содействии фон Габеля и его секретаря Г. Горна (которого Крижанич позднее, находясь за границей, называл своим «благодетелем» и «освободителем») ²⁹, Крижанич в апреле 1677 г. получил, наконец, проезжую грамоту на Смоленск и средства на дорогу. Но махинации лживого, изворотливого иезуита на этом не закончились. Несмотря на царское повеление, он не выехал из Москвы, а жил на дворе у датского посланника, который подал одну за другой две челобитных с просьбой «указать тому вышепомянутому попу ...со мною выехать». Не получив разрешения на выезд в свите фон Габеля, Крижанич не выполнил и нового распоряжения — выехать на Смоленск «тотчас» — и опять скрылся на дворе датского посланника. Затем фон Габель обманом включил Крижанича в список сопровождавших его лиц и в октябре 1677 г. вывез за границу³⁰.

Прибыв в Россию как тайный агент Рима, Крижанич оставил Москву полуполюгально, в толпе слугителей датского посланника фон Габеля, пользовавшегося правом дипломатической неприкосновенности. Таким образом Крижанич гарантировал полную безопасность себе, а главное — своему архиву, который он использовал за границей для составления обширных отчётов конгрегации пропаганды веры о результатах своей «миссии». В одном из отчётов, равном объёмом целой книге, Крижанич доносил конгрегации, что он в течение 18 лет «делал и наблюдал среди московского народа... проникнув... почти во все их тайны»³¹.

Таковы некоторые факты из биографии Крижанича. Русские люди ещё в XVII в. разгадали за маской «народолюбца» личину врага, который в таких злобных выражениях отзывался о русском народе: «Руски народ к нашему раденью лют и сверип и незахвален». Крижанич ещё в Сибири убедился в провале своей «апостольской миссии». На удочку

²⁷ Там же, кн. 2 (205), III, стр. 89—93.

²⁸ Там же, стр. 180.

²⁹ Так именуется Крижанич Горна в написанной в 1680 г. в Вильно по «предписанию» Горна «Истории Сибири» (в другом варианте преподнесённой Крижаничем польскому королю Яну Собескому), содержащей важные сведения не только о природных богатствах Сибири, но также о путях и средствах сообщения, крепостях и гарнизонах. См. А. Титов. Сибирь в XVII в. М. 1890, стр. 161—222.

³⁰ ЧОИДР, 1903, кн. 2 (205), III, стр. 174—194.

³¹ Там же, стр. 203—204.

Крижанича и явившихся вслед за ним в Москву иезуитов Вота, Шмидта и др. попались лишь отдельные представители реакционного боярства и духовенства.

Подлинное лицо Крижанича становится ещё яснее при ознакомлении с его сочинениями. Односторонне изучая биографию Крижанича, некоторые авторы столь же однобоко подходили к анализу его рукописного наследства. Так, например, хотя диссертация А. Л. Гольдберга называется «Сочинения Юрия Крижанича», автор диссертации исключил из поля своего зрения обильные богословские трактаты и рассуждения, посвящённые пропаганде католицизма и церковной унии с Римом, составляющие девять десятых рукописного наследства Крижанича. Обошли эти богословские труды Крижанича Б. Д. Дацюк, С. В. Бахрушин и другие. Между тем Крижанич написал не только «Политику» (где изложены его «прогрессивные» экономические, философские и исторические взгляды), но и целую серию сочинений в защиту папства и католицизма: «О Промысле», «О святом крещении», «Толкование исторических пророчеств» и пр.

В «Толковании исторических пророчеств» Крижанич предвещал гибель русского царства, если оно не примет Флорентийскую унию и не признает верховенства папы римского. Доказывая, что «святое дело» соединения церковей может быть достигнуто «прелегко и преборзо», он угрожал русскому народу за отказ от унии карами небесными и земными. Святая Бригита будто бы «предвестила», что Византийская империя до тех пор будет под властью турок, пока «святой Римской церкви во всем повинет». Такая же участь ожидает русское царство³².

Задачам католической пропаганды, как нетрудно убедиться, посвящена и «Политика» Крижанича. Этот обширный трактат, получивший такую популярность и служащий единственной опорой для апологетов Крижанича, в действительности имеет то же назначение, как и его богословские труды,— содействовать порабощению русского народа папством и превращению Русского государства в орудие папской политики в славянских странах. В «Политике» Крижанич задался целью доказать, что «церковный раздор» суть «дьявольское обольщение», а уния с Римом — единственное спасение для гибнущего русского народа. Он пытается «доказать» это с помощью тенденциозного обзора прошлого, настоящего и будущего Русского государства.

В то время как русские деятели, особенно со времён Ивана IV Грозного, справедливо считали, что папская курия является непримиримым врагом славянства и Руси, Крижанич в «Политике» обрушивается против православных — греков — и протестантов — немцев, — оправдывая римско-католическую церковь. Изображая славян и русских дикарями и варварами, погрязшими в греховой «схизме», Крижанич ни слова не говорит о свирепой расправе католических миссионеров с национальной культурой славянских народов, о насильственном распространении католицизма в славянских и других странах; Крижанич не говорит о том, что именно папский престол был пособником немецких феодалов и турецких захватчиков, поработивших славянские народы, гонителем лучших представителей славянской культуры, душителем национально-освободительных движений славянских народов, организатором крестовых походов против русского народа и государства. Богословская часть «Политики» (занимающая, по меньшей мере, половину книги) содержит обычные в като-

³² Ю. Крижанич. Соч. Вып. 2. М. 1892, стр. 49—59. Русские книжники, как известно, утверждали прямо противоположное, а именно, что Византия пала из-за «латинской прелести» и Флорентийской унии.

лической пропаганде того времени лицемерные доводы в пользу церковной унии с Римом³³.

Из «Записки» 1641 г., представленной конгрегации пропаганды веры, и более поздних документов Крижанича известно, что он собирался сначала завоевать милость и расположение русского самодержца советами «об увеличении казны», службой «в знаниях по преимуществу государственных» и лишь «после ...обходов и намеков» приступить «к конечному предприятию» — делу соединения церковей³⁴. «Политика» написана в полном соответствии с этим иезуитским планом. Разделы и параграфы сочинения Крижанича идут один за другим в той последовательности, в какой папский миссионер собирался преподнести их «московскому князю» в течение «четырёх или пяти или даже более лет». Крижанич воображал себя учителем «полудикого» русского народа («наш народ быть средний между людскими и дивными народами», — пишет Крижанич о русских)³⁵ и царским советником. «Политика» обращена прямо к московскому «кравлю» (только так всюду называет Крижанич русского государя, носившего с 1547 г. титул царя) и к его «болярам», которых Крижанич учит государственной мудрости.

Так называемая «утопия» Крижанича, развиваемая в этой части «Политики», целиком продиктована интересами папства, и носит ярко выраженный реакционный характер. Крижанич стоит на цыпочках на три головы ниже таких передовых деятелей России того времени, как А. Л. Ордин-Нащокин, и выступает прямым антиподом Петра Великого. «Утопия» Крижанича основана полностью на общественных идеалах, заимствованных у средневековых отцов католицизма Августина Блаженного и Фомы Аквинского, ныне поднимаемых на щит учёными лакеями англо-американского империализма. «Итак, — пишет Крижанич, — с точки зрения различных людских обязанностей, существует три сословия людей, а именно: духовенство, знать, простой народ (плебеи). Обязанность духовенства: молить бога и пещись о спасении душ. Обязанность знати: истолковывать волю царя для прочих сословий и начальствовать. Обязанность простого народа: исполнять трудные и служебные работы». Это «онемеченные», говорит Крижанич, с их стремлением к «необузданной свободе» проповедуют «политическую ересь», будто закон рабства противен закону божественному. «Нищих всегда будете иметь», ибо «таково пророчество Спасителя», и поэтому «все должны нести службу свою терпеливо и приписывать ее грехам своим...»³⁶.

По заветам Августина Блаженного Крижанич рисует картину идеального поповского государства со строгими законами, отвечающими всем требованиям аскетизма и монастырских уставов, и не менее строгими «углядниками» и «урядниками», которые бдительно наблюдают за всеми сторонами жизни и быта «простого народа». Под надзором «углядников» и «урядников» народ спасает свои души постами и молитвами. Таков «принцип социальной справедливости» Крижанича, таковы его государственные идеалы...

Но социология не интересует Крижанича сама по себе. Истинный выкормыш иезуитов и фанатичный папист, преследующий вполне определённые политические цели, Крижанич с позиций католического космополита яростно обрушивается против централизованных порядков и национального суверенитета Русского государства. Книжка Крижанича наполнена злобными и тенденциозными политическими инсинуациями. С особой ненавистью (как и его учитель иезуит А. Поссевин) он отзывается о выдающемся строителе Русского централизованного государства Иване IV Грозном, называет его «людодерцем», безбожником, кровопийцей и тира-

³³ «Политика», разд. 10, 11, 16, 21, 29, 48, 53—58.

³⁴ ЧОИДР, 1903, кн. 3 (206). Приложения, VII, VIII, №№ 14, 16, 22, 23, 26.

³⁵ «Политика», разд. 11, стр. 34.

³⁶ Там же, разд. 24, стр. 6; разд. 40, стр. 34, 47; разд. 57, стр. 248.

ном, «зачальником крутого владения», грозящего гибелью Русскому государству и якобы отталкивающего от него славян. Главное преступление Ивана Грозного, с точки зрения Крижанича, состояло в том, что Грозный «нелепо отринул славянское (?) имя «Краль» (король) и «загребил» чужое римское имя царь». (Напомним читателю, что ещё А. Поссевин отказывался признать царский титул Ивана IV.)³⁷

А между тем, пишет Крижанич, «глупо было бы нам об этом думать, дабы нам в руки имало допасть либо Римское царство, либо верховная в церкви область... Нам во веки не обладать нить царства оного, нить папства»³⁸. Крижанич навязывает читателю религиозно-политические догматы папства, утверждающего, что только ему принадлежит верховная власть в церкви и только он является наследником авторитета и славы Римской империи, наделённым правом поставлять королей другим народам. Поэтому лукавый иезуит предлагает царю Алексею Михайловичу, подумав о том, «кто имеет область (власть.— П. Е.) наряжать королевства и поставлять кралев», отказаться от царского титула, вторично короноваться с титулом короля, приняв даже новое имя «Богдан». Крижанич советует русскому царю перенести столицу государства из Москвы в Крым³⁹.

Крижанич обрушивается на «глупые и грубые басни», выдуманнные «ласкавцами и бахорами» (сказочниками.— П. Е.) царя Ивана IV и записанные в «народные повести» (то есть в русские летописи). «Несть наш приятель, кий наше кралевство зовет третьим Римом»,— восклицает Крижанич. Подобным же образом Крижанич злостно разделяется со всеми другими историческими преданиями, утверждавшими идею национальной независимости Руси и её высокое самостоятельное положение в ряду других государств⁴⁰. Тенденциозный характер этих нападок Крижанича на исторические предания, выражавшие политическую идеологию растущего русского национального государства, очевиден. Ведь Крижаничу было хорошо известно, что подобными легендами изобилует генеалогия государей стран Западной Европы. Немало «глупых и грубых басен», возвеличивающих папство, и в сочинениях самого Крижанича.

Ожесточённая полемика Крижанича, направленная против русской политической мысли, защищавшей в традиционных и общепринятых тогда формах идею суверенитета Русского государства, с головой выдаёт его как непримиримого врага национальной независимости Руси. Идея суверенитета Русского государства явно мешала Крижаничу протаскивать свои космополитические «теории» верховенства папы римского.

Звонкие фразы Крижанича о необходимости замены существующих в России со времён Ивана IV и Бориса Годунова «людодерских законов» и «крутого владения» «истинным самовладством», о «полегчении народном» сбили с толку некоторых историков, поспешивших объявить Крижанича поклонником «просвещённого абсолютизма» и «защитником народа». В действительности же Крижанич тащил Русское государство не вперёд, а назад, к феодальной раздроблённости, ориентируясь явным образом на боярско-княжескую феодальную аристократию. Крижанич ратует в «Политике» за предоставление феодальной знати в России права владеть городами и крепостями с отрядами вооружённой челяди, за передачу феодальной аристократии пожизненно Приказов и областей государства, за расширение её судебных прав и фактическое освобождение от обязательной военной и придворной государственной службы, за восстановление в стране «властелей», уничтоженных реформами Ивана IV, за предоставление права «ковать пенязи» не только столице Москве, но и другим горо-

³⁷ Там же, разд. 14, стр. 49; разд. 28, стр. 35, 37.

³⁸ Там же, разд. 56, стр. 219.

³⁹ Там же, разд. 32, стр. 103—104; разд. 31, стр. 62; разд. 51, стр. 120.

⁴⁰ Там же, разд. 32, стр. 97—99, 109, 111; разд. 54, стр. 181—182, 184.

дам — центрам бывших феодальных областей и княжеств — и т. д.⁴¹ Всё это означало ограничение самодержавия в пользу феодальной аристократии и восстановление традиций и порядков феодальной раздроблённости, против которых была направлена опричнина Ивана IV Грозного.

Свои реакционные «реформы» Крижанич обосновывает не «защитой простого народа», а необходимостью защиты от народа господствующего класса феодалов-крепостников. Для этого и даруются новые «слободины» крупным феодалам. «Где бо властели имеют пристойные себе слободы и большинство над простолюдство, тамо... беспечальнее от извонских пороков и от домашних простого людства бешеных и нечестных навалов», — запугивает Крижанич царя, уговаривая его поступиться некоторыми правами в пользу феодальной знати. «А таково глуподерзие все с того идет, — глубокомысленно замечает «гуманист» Крижанич, — что у бояр (в России. — П. Е.) несть тоя силы нить крепости, кая бы могла черное людство на вузде держать и от бешеных поступков възпящать...»⁴².

Критикуя «людодерские» и «безбожные» законы царей Ивана IV Грозного и Бориса Годунова, Крижанич вовсе не имеет в виду законы, оформлявшие крепостную зависимость крестьян, а лишь «крутое владение», направленное на ликвидацию феодальных привилегий боярско-княжеской аристократии. Он осуждает практику беспощадной расправы царской власти с представителями феодальной реакции, вроде изменника Андрея Курбского. События начала XVII в. и политическое чутьё разведчика папского престола, успешного кое-что разнюхать в России, подказывали Крижаничу, что именно в кругах реакционного боярства и связанной с ним части русского духовенства папы могли надеяться на поддержку в осуществлении своих захватнических планов в России.

Столь же реакционной и тенденциозной является экономическая программа Крижанича. Игнорируя крупные сдвиги в экономическом развитии Русского государства в XVII в., приведшие к постепенному складыванию «всероссийского рынка», к появлению мануфактур, Крижанич рисует состояние русского народного хозяйства самыми чёрными красками. Некоторые верные наблюдения Крижанича над экономической действительностью Русского государства (зависимость русской внешней торговли от иноземных купцов, необходимость мер для «поспешения домашнего торговства») не составляли какого-то его «открытия». Челобитные русского купечества правительству гораздо ярче и всестороннее отражали нужды и состояние внешней и внутренней торговли XVII в., а Торговый устав 1654 г., и особенно Новоторговый устав 1667 г. А. Л. Ордина-Нащокина, несравненно полнее характеризуют рост нарождавшегося купеческого класса и защиту его интересов самодержавием перед лицом сильного иноземного торгового капитала, чем бледные, бессодержательные рассуждения на эту тему Крижанича⁴³. Задолго до появления Крижанича в России русские государственные деятели сознавали необходимость приобретения выходов к морским путям сообщения, необходимость развития торговых связей с Европой. Ещё в XVI в., как отмечал К. Маркс, «сознательной целью» внешней политики Ивана IV Грозного было «дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой»⁴⁴.

Подчёркивая неразвитость торговли, ремесла и сельского хозяйства России, Крижанич назойливо пытается объяснить это... природными качествами русского народа: «Народа нашего разумы есть тупы и косны и

⁴¹ Там же, разд. 32, стр. 63—78; разд. 46—47.

⁴² Там же, стр. 63—64.

⁴³ К. В. Базилевич. Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в 1-й половине XVII в. «Известия АН СССР». Отделение общественных наук. 1932, № 2; его же. Элементы меркантилизма в экономической политике Алексея Михайловича. «Учёные записки» МГУ. 1941, вып. 41.

⁴⁴ Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII, стр. 165.

люди неуметельны в торгованию, в земле тяжанию и в домашнем господстве». Русские купцы, по мнению Крижанича, не ведут торговлю за границей «для природного своего неспособия и тупа разума». Крестьянство русское также «есть лено и непромыслено». Зато западные народы якобы «предаляют нас людскостью и всеми уроженными приметами ума и тела»⁴⁵.

В экономической области Крижанич выступил прямым антиподом Петра Великого. В то время как Пётр способствовал развитию мануфактурного производства в России, Крижанич и понятия не имел о мануфактуре и ратовал за ремесленное производство. Расписывая яркими красками богатства немецких государств, Крижанич утверждал, что русские не должны соперничать с «немцами» «в рукодельях, ремеслах... потому, что во всяком художестве они превосходят нас без сравнения», не должны «соперничать с торгашами, которые каждый день то и дело бегают к индейцам», а должны соперничать с ними «простотой и скромностью» в образе жизни и неустанными бдениями «в ночных молитвах!»⁴⁶. В то время как самодержавие поощряло нарождавшееся купечество, Крижанич объявлял торговцев бездельниками и «хлебогубцами», советовал царю казнить «безо всякого пощаждения» хлебных перекупщиков, оставить в руках купцов лишь мелочную торговлю «дробными и нестановитыми» товарами, а всю внешнюю и крупную оптовую торговлю передать в руки «царских торговцев».

Предлагая «запертие рубежей» Русского государства как меру экономической обороны, Крижанич, однако, настаивал лишь на закрытии границ Руси с протестантскими странами, но зато ратовал за развитие торговли с Турцией, «Хиспанской и Фряжеской землей»⁴⁷. Таков нелепый и опасный «меркантилизм» Крижанича. Экономические прожекты Крижанича могли бы привести лишь к развалу народного хозяйства и закабалению России католическими странами.

При всей противоречивости экономической «программы» Крижанича нетрудно заметить её внутреннюю логику. Папство стремилось получить в России послушное стадо. Иезуиты великолепно видели связь между уровнем экономического развития страны и степенью распространения в ней различного рода «ересей». Папский престол боялся, чтобы зараза «необузданной свободы» не проникла в Россию и не разрушила «возделанных в глубокой древности» черт русского народа — «простоты и воздержания, послушания и незнания богохульства». В Записке 1641 г. Крижанич выражал надежду, что русские «окажутся более стойкими в благочестии и католической вере», чем «еретики»-немцы⁴⁸. Отгородить Русь от «еретического» Запада, задержать экономический прогресс Русского государства и тем самым подготовить условия для нового натиска на Русь — такова программа Крижанича, выразителя чаяний папского престола.

Эта программа даёт столько же оснований считать ретрограда и врага Руси Крижанича предшественником Петра Великого, сколько его разглашательства о «полегчении народном» и елейно-поповские выпады против «лежаков-сарданапалов»⁴⁹ дают основание для объявления Крижанича апостолом социальной справедливости и чуть ли не предшественником утопических социалистов.

Точно так же обстоит дело с внешнеполитической программой, навязывавшейся Крижаничем Русскому государству. Преуменьшая и даже завышая опасность, угрожавшую Русскому государству в XVII в. со стороны Швеции и других протестантских стран (которые в другой связи

⁴⁵ «Политика», разд. 2, «Об ремесству»; разд. 11, стр. 33—35.

⁴⁶ Там же, разд. 53, стр. 161, 163, 165.

⁴⁷ Там же, разд. 1, «Об торговству»; разд. 24, стр. 13; разд. 39, стр. 23, 28;

⁴⁸ 45, стр. 64; разд. 52, стр. 127.

⁴⁹ ЧОИДР, 1903, кн. 3 (206). Приложения, VII, стр. 111.

⁵⁰ «Политика», разд. 28, стр. 32; разд. 39, стр. 22 и сл.

рисуются тем же Крижаничем как главные враги, надевшие уже «немецкий ярем» на шею русских и славян), Крижанич предлагал отказаться даже от мысли приобрести выход в Балтику. «Прочь думы об Варяжского моря державах и пристанях!»⁵⁰, — патетически восклицал он.

Мы уже видели, что, толкуя о «немецком ярме», Крижанич имел в виду не действительные факты национального угнетения славян в империи Габсбургов, а только «окаянство» — «схизму» и «ереси», «чужие дести», от которых русский царь, приняв унию и признав верховенство папы римского, должен как «евангельский отец» спасти погибшее славянское племя. Но русский царь, рассуждал Крижанич, занятый войной с Польшей, не может «к совершенной поправе пособить» славянам и поэтому должен заняться их «осветлением» — «пригодными и разумными книгами оным людям разумные очи открыть»⁵¹. В связи с этим Б. Д. Дациук утверждает, что Крижанич стремился «приобщить народ к научному знанию»⁵².

Чтобы не было сомнений, о каком «осветлении» славян и Руси говорит Крижанич, приведём некоторые его высказывания. Поучая читателя ссылками на «святого Томаша Аквинского, великого богословца», и других «отцов» католицизма⁵³, Крижанич яростно обрушивается в «Политике» на «немцев» за то, что они «стараются увлечь нас в свою школу. Под именем наук навязывают нам демонские фокусничества... Убеждают нас, чтобы свободные или философские науки мы распустили в общество и передали для изучения всем мужикам». Однако «разум убеждает», чтобы мы «изучали науки такого рода с тою скромностью, с какою изучали и преподавали святые отцы». Нам нужна эта философия, ибо «никто не может отвергнуть философии, чтобы вместе с тем не отвергнуть святых отцов»⁵⁴.

Под именем философии Крижанич навязывал учение «святых отцов», то есть теологию. Он выступал против «новой школы» с её естественно-научным направлением, которое представляется воспитаннику иезуитских училищ «демонским фокусничеством», он протаскивал ту самую «учённость» талмудистов от богословия, «наших магистров», которую ещё в XVI в. высмеяли авторы «Писем темных людей». Но Крижанич полагает, что даже и этого рода науку не следует передавать народу. «Как всякое почти добро, если оно будет излишне, обращается во зло, — рассуждает Крижанич, — так и философия, если будет общим достоянием народа, приносит с собою запросы и волнения и многих отвлекает от труда в праздность. Философии не должно передавать всему народу, но только сословию благородному и нескольким из простонародья, для того назначенным. Иначе... бисер мечется перед свиньями»⁵⁵. Иноземцы прельщают нас «суетными именами Академий, илити высоких училищ... и творением Докторов и Майсторов илити учителей», от этого «наполняется земля множиною бездельных дьяков или книжников», а «хотя бы все быть книжники, многи останаут без способа добывать хлеба»⁵⁶.

Что общего имеют эти высказывания Крижанича с прогрессивными, выдающимися достижениями русской науки и культуры во времена Петра Великого?

Мы видим, таким образом, что Крижанич думал не об освобождении славянских народов от ига иноземных поработителей. Он хотел превра-

⁵⁰ Там же, разд. 51, стр. 116—120.

⁵¹ Там же, стр. 115—116.

⁵² Б. Д. Дациук. Указ. соч., стр. 19.

⁵³ «Политика», разд. 15, стр. 58.

⁵⁴ Там же, разд. 54, стр. 175—176.

⁵⁵ Там же, стр. 176—177.

⁵⁶ Там же, разд. 16, стр. 77.

тить Русское государство в орудие папства и использовать его авторитет для укрепления и расширения господства реакционного папства в славянских странах. Русский народ издавна имел дружественные связи с другими славянскими народами. Эти связи ещё более упрочились в XV—XVII вв., когда возникло и развивалось сильное централизованное Русское государство. Но эти связи развивались не по программе папского агента обскуранта Крижанича, а путём общения Русского государства и самобытной русской культуры со славянскими народами. Идея единства славянских народов принадлежит не агенту Ватикана Крижаничу. Она была провозглашена древними русскими и славянскими летописями. Братская помощь славянским народам была и остаётся исторической традицией великого русского народа. История знает немало примеров такой помощи. Укрепив свою национальную независимость и самостоятельность в борьбе против иноземных захватчиков и их агентуры, Россия оказала могучее воздействие на судьбы славянских народов.

Представляя конгрегации пропаганды веры после возвращения из России отчёт о своих наблюдениях «среди московского народа», Крижанич писал: «Мое первое нижайшее сообщение следующее: что наше ныне текущее время есть такое, когда открыт... удобнейший случай вести с наибольшим успехом переговоры с указанным народом и удачно распространять в нем католическую веру. Основания к тому, что я сказал, и способы действия не могут быть раскрыты вкратце. Достаточно бы теперь сказать, что я узнал многих лиц разного положения — тайных католиков»⁵⁷ (разрядка моя.— П. Е.).

Сложившиеся в конце XVII в. внутренняя обстановка и внешнеполитическое положение Русского государства облегчали папской курии организацию нового заговора против Руси.

Россия не имела тогда достаточно сильной регулярной армии и военно-морского флота и была отрезана от морских путей сообщения, а между тем ей грозила новая интервенция. В собственноручном дополнении к книге П. П. Шафирова «Рассуждение о причинах Свейской войны» Пётр Великий привёл неопровержимые доказательства того, что Швеция при поддержке «других и отдаленных народов» (имеются в виду Англия и Франция.— П. Е.) в конце XVII в. готовила новую широкую интервенцию против России, не удовлетворяясь захватом исконно русских земель в Прибалтике. Шведы перед началом Северной войны, которая, по выражению Петра, «предварила» их нападение, «имели намерение к войне против Россиян, и сделан был проект, чтобы Новгород, Псков, Олонек, Каргополь и город Архангельской завладеть, дабы с иностранными областями весьма купечество у России пересечь»⁵⁸. Новейший шведский историк подтверждает намерение Швеции не ограничиться захватом Прибалтики, но завоевать обширные северные области России, чтобы отрезать её от беломорского торгового пути⁵⁹.

Внутриполитическое положение Русского государства было также чрезвычайно сложным. Это был период становления русского абсолютизма. Реакционное боярство, теряя свои позиции, готово было пойти на всякие авантюры и предательство в борьбе за власть. Именно в этот период возникает проект об учреждении в России «вечных наместничеств» во главе с боярами и князьями, наделёнными наследственной властью и самыми широкими полномочиями. Проект обсуждался в Боярской думе. Он был отвергнут из опасения, чтобы «учиненные вечные наместники, великородные люди, по неколицех летех обогатев и возгордев, москов-

⁵⁷ ЧОИДР, 1903, кн. 3 (206). Приложения, № 26, стр. 278.

⁵⁸ П. Шафиров. Рассуждение... Заключение к читателю. СПб. 1716.

⁵⁹ И. Андерссон. История Швеции. М. 1951, стр. 162, 175.

ских государей самодержавством не отступили и единовластия не разорили и себе во особность не разделили»⁶⁰.

Крижанич не фантазировал, говоря о «тайных католиках» в Москве. Реакционные и опасные попытки боярства возродить в России порядки феодальной раздроблённости смыкались с не менее реакционными замыслами «латинствующих» в среде русского духовенства.

Заслуживает внимания следующее сообщение В. Н. Татищева: «Царь Федор Алексеевич, по представлению (своего. — П. Е.) учителя Симеона Полоцкого, который с патриархом Иоакимом великую злобу имел... мыслил учинить (в России.— П. Е.) четырех патриархов» и «в папы призвать сверженного Никона». Лишь после серьёзной борьбы внутри правящих кругов эта попытка ввести «папство» в России и сделать папой бывшего патриарха Никона была «отвержена».

В этой борьбе некоторые круги боярства пытались опереться даже на Орден иезуитов, которому благодаря покровительству и содействию В. В. Голицына удалось создать в Москве легальную базу католической пропаганды — целое гнездо иезуитов во главе с «отцом» Шмидтом. Один за другим в Москву прибыли иезуиты Шмидт, Алберт Дебоа, Бартоломей Меллер, Давид Кодзини, Товия Тихановский и другие. Рядом с ними подвизались тайные агенты «Общества Иисуса» — духовные и светские. В 1685 г. на имя одного из «светских иезуитов» — итальянца Гвасконио, жившего в Москве под видом флорентийского купца, Шмидт приобрёл обширный дом. Иезуиты основали свою школу и немедленно начали вербовать в неё русских детей. Они занимались также распространением пропагандистских книг на русском языке, католических образов, участвовали в богословской полемике между «латинствующими» (Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев и др.) и «греками» и утверждали, что уния церквей необходима и что латиняне победили православных в прениях на Флорентийском соборе.

Иезуиты стремились склонить к католицизму лиц из правящих кругов и обеспечили поддержку своих планов со стороны В. В. Голицына. «Наконец получено, — с торжеством сообщали иезуиты из Москвы папе римскому, — право постоянного жительства общества Иисуса в столице Московии... Вытекающую отсюда пользу славе божией, спасению душ и святому апостольскому престолу всего лучше знает ваше святейшество». «Меня уверяли, — доносил папе иезуит Вота, — что не может быть незначительным единение душ»⁶¹ (то есть соединение церквей. — П. Е.).

Император Максимилиан, приславший Голицыну в дар роскошную карету, выражал ему свои благоволение за содействие иезуитам в России: «Что вере нашей римляно-католицкой действие на Москве повеленное... то всемогущим Вашим наипаче причитаем служениям»⁶². В 1688 г. глава миссии иезуитов в Москве Шмидт в специальном письме выражал благодарность Голицыну за то, что Орден иезуитов вот уже в течение четырех лет пользуется милостью, благосклонностью русского двора и особыми благодеяниями самого Голицына, которого Шмидт обещает прославить на веки вечные за его бессмертные заслуги в деле покровительства римско-католической церкви⁶³.

Поддержка В. В. Голицыным иезуитов не была случайной. Принадлежа, как и князь И. А. Хованский, к потомкам Гедимины, В. В. Голицын лелеял планы захвата власти. Дворцовый переворот в мае 1682 г. в пользу царевны Софьи Алексеевны был первым — и вполне удачным! — шагом В. В. Голицына на пути осуществления его честолюбивых замыслов. По-

⁶⁰ «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России». Т. I, отд 2, стр. 23—33; Отзыв патриарха Иоакима о вечных наместничествах см. в кн. Е. Замысловский. Царствование царя Фёдора Алексеевича. СПб. 1871, стр. XXXIV—XXXV.

⁶¹ М. Сменцовский. Братья Лихуды. СПб. 1899, стр. 150.

⁶² Д. А. Толстой. Римский католицизм в России. Т. I. СПб. 1876, стр. 117.

⁶³ Там же. Приложение № 3.

сле майского переворота Голицын стал фаворитом и первым министром правительницы и сосредоточил в своих руках все нити управления государством. В сентябре 1682 г. Голицын нанёс поражение своему главному сопернику князю И. А. Хованскому, казнённому без суда и следствия по дороге к Троице-Сергиеву монастырю.

Если идейным знаменем «хованщины» была борьба за «старую веру», а «духовной» опорой Хованского были «ревнители древнего благочестия» во главе с Никитой Пустосвятом, то для В. В. Голицына была характерна ориентировка на реакционное папство. В сближении Голицына с иезуитами определённую роль сыграл и Юрий Крижанич. Неведомыми путями «рукопись Юрия Сербенина» (Крижанича) попала в библиотеку В. В. Голицына, а наиболее мракобесное и воинствующее сочинение Крижанича «О Промысле» — в руки близкого друга Голицына и проповедника «латинства» монаха Сильвестра Медведева, украсившего рукопись своим автографом⁶⁴.

Сильвестр Медведев был правой рукой В. В. Голицына в делах церкви. В «Покаянном исповедании», зачитанном на церковном соборе 1689 г., Сильвестр признал, что его сочинения («Манна» и другие) прославляют римско-католическую церковь и призывают к единению с ней. Сильвестр Медведев, поп Савва Долгий, дьякон Афанасий и другие русские «латинники» развернули в Москве большую деятельность, которая могла бы содействовать успеху иезуитов в Москве. Не ограничиваясь устной и рукописной пропагандой папских догматов в среде духовенства, они распространили в народе «тетрадки», наполненные «латинским суемудрием» и «возбуждающие народ на мятеж». Старец Арсений признал, что такие тетрадки писал он «у него, Сильвестра, в трапезной келье». Старец Савва показал, что тетрадки «от него же Сеньки, сложенные... разносиком тайно к неким священным и простцем и научах по его, Сенькиному, оному развращенному писанию премногие люди различных чинов...»⁶⁵. Тетрадки переписывались в келье Сильвестра «наемными ребятами», «гулящими людьми».

Завоевав симпатии и доверие папского престола поддержкой иезуитов, В. В. Голицын, по некоторым сведениям, намеревался завершить дело свержением патриарха Иоакима. По планам временщика, Сильвестр Медведев должен был заместить Иоакима на патриаршем престоле и немедленно отправить посольство в Рим «для соединения церковью латинской и греческой». Вместе с тем Голицын, «надеясь пережить Софью», «не сомневался в том, что после совершенного им присоединения москвитян к римской церкви папа назначит его законного сына наследником престола вместо тех детей, которых он прижил с Софьей...»⁶⁶. Современники прямо обвиняли Сильвестра Медведева не только в латинской «ереси», но и в намерениях завладеть патриаршей кафедрой и соединить русскую церковь с римско-католической под главенством папы⁶⁷.

Насколько опасной представлялась правительству Петра I деятельность иезуитов и русских «тайных католиков» в Москве, можно судить хотя бы по тому, что первым актом нового правительства в области внешней политики был указ 2 октября 1689 г. о немедленном изгнании всех иезуитов из Москвы. Бежавший со своими соучастниками в Польшу старец Сильвестр Медведев был задержан, арестован и впоследствии, преданный «анафеме», казнён. Но ещё 25 сентября 1682 г. патриарх Иоаким, прибывший в Троице-Сергиев монастырь к Петру I, распорядился «без замотчания тотчас» доставить из кельи «старца Селиверстки всяких писем на русском и на иных языках» «ко обличению воровства и злоначинства» его.

⁶⁴ ЧОИДР, 1903, кн. 2 (205), стр. 209; «Современник». 1660, № 3, стр. 225.

⁶⁵ «Остен», стр. 106; «Розыскные дела...». Т. I, стр. 555.

⁶⁶ «Русская старина». 1891, октябрь, стр. 261—262.

⁶⁷ А. Прозоровский. Указ. соч., стр. 583.

Вряд ли историк вправе игнорировать все эти факты, свидетельствующие о том, что агенты папства в конце XVII в. нашли известную поддержку в реакционных слоях русского общества, и заслуживающие дальнейшего изучения.

Крижанич, будучи верным слугою реакционного папства, оказался в стане врагов славянских народов и Русского государства. Обе его «миссии в Московию» потерпели провал. Воспитанный иезуитами, он с презрением и ненавистью относился ко всем народам, «еретикам и схизматикам», отстаивавшим свою свободу и независимость от посягательств Рима. Можно ли удивляться тому, что сочинения Крижанича, пропагандирующие «унию» с Римом, и его деятельность не получили признания этих народов?

Народам хорошо известна реакционная и антидемократическая роль современного Ватикана, перешедшего на службу к англо-американскому империализму и ведущего яростную борьбу против мира, социализма и демократии. Современные каннибалы в рясах, не стесняясь, подчёркивают преемственность своей антинародной политики с кровавыми подвигами их предшественников. Папа Пий XII недавно заявил: «Борьбу против антихристианских сил будем вести такую же беспощадную, как против еретиков в средние века». Папа с умилением вспоминает о кострах инквизиции и крестовых походах против «еретиков и схизматиков». Папа грозит всем свободолюбивым народам беспощадным истреблением!

Политика современного Ватикана, как и его прошлое, всё больше разоблачает антинародный характер папства в глазах народных масс, в том числе в глазах трудящихся-католиков.